ПОЛИТИКА «СКРЫТОЙ РУКИ» ПРОТИВ ЭФФЕКТИВНОЙ РИТОРИКИ: РАЗНООБРАЗНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ РИТОРИКА ПРЕЗИДЕНТА ЭЙЗЕНХАУЭРА

М. Боуз и Ф.-И. Гринстайн

In the twentieth century rhetoric has become an increasingly important factor in presidential leadership. In examining presidential rhetoric, scholars typically focus on public communications, particularly speeches and remarks made at press-conferences. But much of the communication of chief executives goes on in private interactions with their aides and others in their political environments. The aim of this article is to explore the relationship between private and public presidential rhetoric by examining selected communications on national security of President Dwight D. Eisenhower.

В двадцатом столетии риторика стала весьма значимым фактором президентского лидерства. Анализируя риторику президента, исследователи обычно в первую очередь уделяют внимание публичной коммуникации, особенно выступлениям и репликам президентов на пресс-конференциях. Однако президент контактирует, прежде всего, со своими сотрудниками и другими лицами из политического окружения. Личное общение президента служит важным источником его влияния в администрации[1].

Личные контакты президента могут носить устный или письменный, косвенный или прямой, вербальный или невербальный характер. Все они могут согласовываться или нет с его публичной коммуникацией. В любом случае, личные контакты заслуживают

[1] О проявлении публичной риторики как политического средства, применяемого президентами в двадцатом веке, см.: *Tulis J.K*. The Rhetorical Presidency. Princeton, N. Y., 1987. См. также: *Kernell S.* Going Public: New Strategies of Presidential Leadership. Washington, 1997. Теодор Виндт анализирует исследование президентской риторики, использованной в публичной коммуникации, в работе: *Windt T*. Presidential Rhetoric: Definition of a Discipline of Study // Essays in Presidential R hetoric. Dubuque, 1987. P. XXIII – XXVII. Недавно издана статья, в которой личные контакты анализируются на основе сделанной расшифровки записи телефонного разговора о гражданских правах, состоявшегося 3 июня 1963 г. между вице-президентом Л.-Б. Джонсоном и советником президента Т.-С. Соренсеном: *Hart R.P. and Kendall K.E.* Lyndon Johnson and the Problem of Politics: A Study in Conversation // Beyond the Rhetorical Presidency. Texas A&M University Press, 1966. P. 77–103.

внимания по ряду причин. Они предшествуют публичной коммуникации президента и другим его действиям. Виды личного общения позволяют понять мотивацию действий президента, проникнуть в такие «скрытые» стороны публичной политической коммуникации, как «пробные шары» и утечка информации. А доступ к архивным материалам личного характера помогает дать историческую оценку роли конкретных президентов.

Наша цель состоит в исследовании взаимосвязи президентской риторики, используемой в личном и публичном общении, на примере отдельных контактов президента Дуайта Д. Эйзенхауэра по вопросам национальной безопасности. Активно изучая политический стиль Эйзенхауэра и осуществление его политики, исследователи в то же время меньше внимания уделяли такой стороне его президентства, как способность к публичной коммуникации. Эйзенхауэр – удачный объект для достижения поставленной нами цели, поскольку присущий ему сложный и разнообразный политический стиль характеризуется различными подходами в публичной и личной коммуникации. Контакты Эйзенхауэра по проблемам национальной безопасности особенно поучительны, поскольку его взгляды были четко сформулированы, а проблемы национальной безопасности в период его президентства находились в центре внимания[1].

Начнем исследование со схематичной оценки политического стиля Эйзенхауэра. Затем проанализируем политику Эйзенхауэра по вопросам национальной безопасности и более широкую стратегическую перспективу, которая обусловила эту политику. Определив исходные позиции, исследуем риторический стиль Эйзенхауэра на примере его высказываний трех видов. Сначала обратимся к его заявлениям и ответам на пресс-конференциях, которые давали основание для двоякого толкования. Затем проанализируем пример его хорошо продуманного личного общения.

Третье направление нашего исследования касается не какого-то отдельного случая использования риторики, а наиболее распространенного типа публичной политической коммуникации: речь идет о неудачных попытках администрации Эйзенхауэра опровер-

---

[1] Анализ осуществлявшейся администрацией Эйзенхауэра политики и методов коммуникации предпринят в работе: *Bose M.* Shaping and Signaling Presidential Policy: The National Security Decision Making of Eisenhower and Kennedy. Texas A&M University Press, 1998. Также см.: *Medhurst M.J., Dwight D.* Eisenhower: Strategic Communicator. Westport, 1993.

гнуть в конце 1950-х гг. обвинения в том, что Соединенные Штаты явно отстают от Советского Союза по числу межконтинентальных баллистических ракет. Утверждения, что Соединенные Штаты уступали Советскому Союзу в ракетной мощи, впервые были сделаны в середине 1950-х гг., после того, как «бомбовый прорыв» был признан несуществующим. Спор о «ракетном прорыве» не имел особого значения до тех пор, пока Советский Союз не запустил в октябре 1957 г. искусственный спутник Земли. Дискуссия по этому вопросу заметно усилилась в ходе предвыборной президентской кампании 1960 г., приведя в годы пребывания у власти администрации президента Кеннеди к наращиванию американского стратегического вооружения. Это, в свою очередь, вызвало гонку вооружения, продолжавшуюся весь период холодной войны, по окончании которой мир получил смертоносное наследие в виде десятков тысяч ядерных боеголовок[1].

Политический стиль Эйзенхауэра

Дуайт Эйзенхауэр относился к числу самых популярных президентов послевоенного времени. Он пробыл на президентском посту два полных четырехлетних срока, и рейтинг его общественной поддержки составлял в среднем 64%. По этому показателю его опережал только Джон Кеннеди, который пробыл на президентском посту менее трех лет и не ощутил последствий происходившего в период его президентства усиления американского военного присутствия во Вьетнаме. За исключением Кеннеди, Эйзенхауэр – единственный президент, у которого на протяжении всего времени его пребывания на этом посту была больше положительная, чем отрицательная общественная поддержка[2].

Несмотря на теплые чувства, которые испытывал к Эйзенхауэру американский народ, до его ухода с поста исследователи президентства не уделяли ему большого внимания. Повторяя мнение многих современных Эйзенхауэру критиков, исследователи счи-

[1] Для изучения влияния, которое оказала дискуссия о «ракетном прорыве» на гонку стратегического вооружения в 1960-е гг., см.: *Ball D.* Politics and Force Levels: The Strategic Missile Program of the Kennedy Administration. Berkeley, 1980.

[2] Для более подробного изучения лидерского стиля Эйзенхауэра и его применения см.: *Greenstein F.I.* The Hidden-Hand Presidency: Eisenhower as Leader. N. Y., 1982. Эта работа была опубликована в 1994 г. с новым предисловием в издательстве университета Джонса Гопкинса.

тали его человеком доброжелательным и благонамеренным, но вместе с тем наивным и пассивным. Создавалось впечатление, что он лишь в некоторой степени выполнял функции президента, а в действительности его политику осуществляли такие номинально второстепенные лица, как глава аппарата Белого дома Шерман Адамс и госсекретарь Джон Фостер Даллес.

Однако к 1980-м гг. исследователи стали оценивать Эйзенхауэра иначе. Это было обусловлено не изменениями в оценке его политики, а появлением новых данных о его деятельности. После того, как в библиотеке Дуайта Д. Эйзенхауэра в Абилине (Канзас) и в других архивах появился доступ к сделанным в годы его президентства записям, стало очевидно, что в действительности Эйзенхауэр был весьма активным президентом, однако его деятельность носила несколько нетрадиционный характер.

Впечатление, что Эйзенхауэр скорее правил, чем управлял, связано с особенностями разрешения им противоречия, обусловленного тем, что американцы ожидают от своего президента одновременного выполнения функций и главы государства, и ведущего национального политического лидера. Как глава государства, американский президент является символом единства. Как и от конституционного монарха, от него ожидают выражения интересов всех граждан государства. Однако как ведущий национальный политический лидер, как глава исполнительной власти, он должен участвовать в решении политических проблем, что сопряжено с немалыми спорами. Постепенное ухудшение публичного имиджа президентов из-за явного проявления ими политиканства может быть одной из причин снижения одобрения их деятельности общественностью.

Чтобы соответствовать противоречивым требованиям, предъявляемым к выполнению президентских функций, Эйзенхауэр поддерживал публичное положение главы государства, который выходит за пределы политики. С этой целью он сводил к минимуму те виды деятельности, которые ведут к восприятию президента лишь как «еще одного политика». Кроме того, Эйзенхауэр применял ряд тактических приемов, которые в совокупности получили название президентской политики «скрытой руки».

Следующий тактический прием, раскрывающий его роль в политическом механизме, – активное использование посредников. Еще один прием Эйзенхауэр называл «не переходить на личности». Он четко придерживался линии не критиковать, называя по имени, никого из публичных политиков. Тем самым он стремился

показать, что президенту не следует заниматься повседневными делами, чтобы не вызывать ничьей враждебности, которая могла бы препятствовать достижению политического консенсуса. Другой прием – использование «смягченного наказания», т. е. предоставление другим членам администрации реализовывать наиболее спорную политику.

Для нашего обсуждения более всего подходит инструментальное использование Эйзенхауэром языка. Эйзенхауэр намеренно разнообразил свои риторические приемы. Работая со спичрайтерами над президентскими обращениями, он выбирал такой стиль изложения, который был одновременно и возвышенным и простым. Анализируя в кабинете свое президентское инаугурационное обращение 1953 г., он сказал, что «последовательно стремился к такому стилю изложению, который был бы вполне приемлем на Quai d'Orsay* или на № 10 Downing»** и в то же время «был бы понятен и землекопу из Канзаса»[1].

Совершенно иное впечатление производил Эйзенхауэр на своих еженедельных пресс-конференциях. Поддерживая впечатление, что он не входит в детали политики, Эйзенхауэр нередко довольно двусмысленно отвечал на вопросы репортеров, порой игнорируя темы, которые, по его мнению, лучше не обсуждать. Он высказывался в простой, незамысловатой манере, которая устраивала общественность, однако у многих политических наблюдателей вызывала сомнения в его политической искушенности. Как писал в 1957 г. Артур Крок, заявления и высказывания Эйзенхауэра на пресс-конференциях «с языковой точки зрения были весьма нечеткими»[2].

Есть еще одна категория риторики Эйзенхауэра, которая могла отличаться от его нечетких высказываний на пресс-конференциях. Как отмечалось выше, Эйзенхауэр был весьма убедительным в своей частной коммуникации. Возможно, в силу долгих лет службы штабным офицером и стратегом у Эйзенхауэра вошло в привычку делать записи, чтобы уточнить и обобщить возникшие идеи.

---

* *Quai d'Orsay* – адрес министерства иностранных дел Франции. – (*Прим. пер.*)

** *№ 10 Downing* – адрес резиденции премьер-министра Великобритании. – (*Прим. пер.*)

[1] Cabinet Meeting of January 12–13, 1953. *Ann Whitman* file, *Dwight D.* Eisenhower Library // *Greenstein F. I.* The Hidden-Hand Presidency. P. 109.

[2] *Krock A.* Impressions of the President – and the Man // New York Times Magazine. 1957. June 23. In: *Greenstein F.I.* The Hidden-Hand Presidency. P. 8.

И в своей военной, и в политической карьере Эйзенхауэр написал немало четких, блестящих по стилю изложения заметок и личных писем друзьям, членам семьи, сослуживцам, а также сделал много дневниковых записей. Личные контакты и записи Эйзенхауэра служат неоценимым свидетельством рациональной основы его политики, демонстрируя его острый аналитический ум и большое умение анализировать альтернативы политики, а также предвидеть их последствия[1].

Концепция национальной безопасности Эйзенхауэра

Эйзенхауэр, отказавшись в 1948 г. от предложения представителей обеих партий стать кандидатом на пост президента, с большим нежеланием участвовал в президентской избирательной кампании 1952 г. Им двигало желание укрепить Соединенные Штаты в условиях холодной войны. Он был убежден, что огромные военные затраты, инициированные администрацией президента Трумэна, контрпродуктивны. По мнению Эйзенхауэра, рассчитанная на перспективу национальная безопасность обеспечивается сильной экономикой и развитым гражданским обществом. Чрезмерные военные расходы истощают национальную экономику, ослабляют моральный дух и снижают национальную безопасность.

Дополнительным стимулом к выдвижению кандидатуры Эйзенхауэра было данное им обязательство сотрудничать с западными демократиями. Как первый главнокомандующий вооруженными силами Североатлантического союза, Эйзенхауэр сыграл большую роль в его укреплении. К большому неудовольствию Эйзенхауэра, в 1952 г. велика была вероятность выдвижения кандидатом на пост президента от Республиканской партии сенатора из Огайо Роберта А. Тафта, чья изоляционистская позиция означала, что на него нельзя рассчитывать в деле укрепления НАТО[2].

---

[1] Для более широкого ознакомления с частной перепиской Эйзенхауэра, начиная с Перл-Харбор и до окончания первого срока его президентства, см.: *Chandler A.D., Galambos L., and Van Ee D.* (eds.). The Papers of Dwight D. Eisenhower (далее – PDDE). 17 vol. Baltimore, 1970–1996. В эту серию будут включены упомянутые личные документы президента. См. также: *Holt D.D. and Leyerzapf J.W.* (eds.). Eisenhower: The Prewar Diaries and Selected Papers, 1905–1941. Baltimore, 1998.

[2] Для более полного обсуждения факторов, которые определяли решение Эйзенхауэра участвовать в президентских выборах в 1952 г., см.: *Bowie R.R. and Immerman R.H.* Waging Peace: How Eisenhower Shaped an Enduring Cold

Обладая военно-стратегическим даром, Эйзенхауэр был, используя выражение историка дипломатии Джона Льюиса Гаддиса, сторонником асимметричного взгляда на обеспечение национальной безопасности. В основе военной стратегии его администрации под названием «Новый взгляд» было убеждение в том, что Соединенные Штаты могут защититься от коммунистического лагеря, наращивая свои военные силы *избирательно*, а не стремиться по всем военным показателям быть с Советским Союзом на равных. В частности, следует больше полагаться на свои ядерные силы, чтобы остановить советский экспансионизм, а не пытаться состязаться с огромной по численности Советской армией[1].

Как утверждает Гаддис, Эйзенхауэр не разделял мнение, что государство тем сильнее, чем больше его вооруженные силы, даже в сфере ядерного оружия. Напротив, он выдвинул концепцию, которая стала известна как доктрина ядерной «достаточности», утверждая, что если государство обладает стратегической способностью остановить агрессию, оно более не нуждается в наращивании своего арсенала ядерного оружия. Эйзенхауэр неоднократно делал это заявление, однажды саркастически напомнив законодателям – членам своей партии, что убить человека можно только один раз[2].

Риторика, которая приводила к неоднозначному толкованию

Хотя в своей администрации именно Эйзенхауэр был архитектором политики национальной безопасности и ключевой фигурой при ее обсуждении на национальном уровне, его пресс-конференции создавали у политических обозревателей ложное впечатление, что президент не контролировал в полной мере ни политику своей администрации, ни свою речь. Это было далеко не так, но иногда именно в силу такое впечатления Эйзенхауэр давал основание для двойственного толкования его ответов корреспондентам.

Показательным примером двусмысленности сделанного высказывания может служить ответ Эйзенхауэра на вопрос об использовании ядерного оружия, который был задан на пресс-конференциях 16 и 23 марта 1955 г. Суть проблемы заключалась в следующем:

War Strategy. N. Y., 1998. P. 70–71.

[1] *Gaddis J.L.* Strategies of Containment: A Critical Appraisal of Postwar American National Security Policy. N. Y., 1984. Chap. 5 passim.

[2] Ibid. P. 187.

коммунистический Китай подверг бомбардировке два маленьких острова Квемой и Матсу, расположенных вблизи Китая, однако находившихся под контролем националистического правительства Тайваня. 16 марта репортеры спросили, допускает ли Эйзенхауэр возможность использовать тактическое ядерное оружие для защиты этих островов. Президент отказался комментировать эту ситуацию, однако высказал общее замечание, что «в любом сражении» тактическое ядерное оружие «должно использоваться только по военным объектам и исключительно с военными целями. Я не вижу причины, почему оно не может быть использовано подобно пуле и т. п.»[1].

Еще до пресс-конференции, которая состоялась на следующей неделе, Госдепартамент через пресс-секретаря Джемса Хэгерти предложил Эйзенхауэру не отвечать на этот вопрос, если он вновь будет задан. В ответ Эйзенхауэр сказал: «Не беспокойся, Джим, если этот вопрос вновь поднимется, я запутаю их». Так и произошло. Ответ Эйзенхауэра был путаным, стилистически нечетким, но с политической точки зрения продуманным:

«Я должен извиниться, что раньше не ответил на этот вопрос. Я считаю, что в войне значимы только два [sic] обстоятельства: в войне самый изменчивый фактор – человеческая природа в ее повседневном проявлении; но единственный неизменный фактор на войне – также человеческая природа. И другое обстоятельство заключается в том, что каждая война удивляет тем, как она начинается и как ведется. Поэтому предсказывать, в особенности, если ты несешь ответственность за принятие решений, что собираешься использовать и как, было бы, по моему мнению, публичной демонстрацией невежества в понимании природы войны. Во всяком случае, я так думаю. Поэтому вы просто должны подождать, и это как раз та реальная проблема, решение которой однажды станет задачей президента»[2].

Для понимания того, что предприняли бы Соединенные Штаты в случае действительной атаки на прибрежные острова, этот ответ не содержал никакой информации. Но как политическое за-

---

[1] The President's News Conference of March 16, 1955 // Public Papers of the Presidents: *Dwight D.* Eisenhower, 1955. Washington, 1959. P. 329–343 (далее PPOP следуют по годам). Для уяснения подоплеки кризиса 1955 г., касающегося прибрежных островов, см.: *Pach C.J., Jr. and Richardson E.* The Presidency of Dwight D. Eisenhower, 1991. P. 98–104.

[2] The President's News Conference of March 23, 1955 // PPOP. 1955. P. 350–365. Эйзенхауэр вспоминает эти слова, сказанные им Хэгерти, в своих мемуарах: The White House Years: Mandate for Change, 1953–1956. N. Y., 1963. P. 478.

явление, ответ преследовал несколько целей: служил предупреждением правительству коммунистического Китая, что Эйзенхауэр не оставил без внимания атаку на Квемой и Матсу, и в то же время свидетельствовал, что он не совершил ошибку – не втянул Соединенные Штаты в защиту этих уязвимых аванпостов. Это позволило Эйзенхауэру избежать антагонизма с влиятельными членами партии, которые были горячими сторонниками китайских националистов. А для общественности данное заявление послужило напоминанием, что любое действие будет результатом «продуманного решения» вызывающего доверие генерала Айка*.

Риторика четкости

В отличие от пресс-конференций, личное общение Эйзенхауэра служит образцом логического анализа. Основная тема его личного общения по вопросам национальной безопасности – это поддержание баланса расходов и целей. Еще в 1952 г., когда Эйзенхауэр согласился включиться в борьбу за президентское кресло, он узнал, что президент Трумэн передал на рассмотрение Конгресса проект бюджета с предполагаемым дефицитом в 14 миллиардов долларов, в основном из-за планируемых военных расходов. Эйзенхауэр сделал в своем дневнике следующую запись: «Я очень опасаюсь, что сегодня в нашей общественной жизни забыты или проигнорированы определенные прописные истины. Первая состоит в том, что демократия обеспечивает боевую готовность на оборонной, т. е. долговременной, основе… Все, сделанное для обеспечения обороны от *внешней* угрозы, за исключением условий, действительно осознанных как необходимость, должно измеряться и проверяться с учетом возможных последствий *внутри* страны»[1].

Эйзенхауэр продолжал считать, что после Второй мировой войны правительство слишком резко сократило военный бюджет, но в ходе войны в Корее военные затраты сильно выросли. Его беспокоила «опасность ухудшения внутреннего положения в стране из-за ежегодного расходования неоправданно больших сумм на осуществление программы, реализация которой растягивалась на неопределенно долгий срок»[2].

---

* *Айк* – так называли Эйзенхауэра американцы. – *(Прим. пер.)*

[1] Eisenhower diary entry. 1952. Jan. 22 // NATO and the Campaign of 1952. Vol. 13. PDDE. P. 896–902.

[2] Ibidem.

Стратегия администрации Эйзенхауэра под названием «Новый взгляд» была направлена на обеспечение, вплоть до окончания холодной войны, соответствующей безопасности государства без расходования на оборону «неоправданно больших сумм». Для достижения этой цели в первый же год своего президентства Эйзенхауэр провел всесторонний анализ политики национальной безопасности, используя полученные результаты для значительного сокращения статей военных расходов в проекте бюджета, предложенном уходящей администрацией Трумэна. Однако это было лишь начало восьмилетних споров с представителями военных кругов и «ястребами» из политического сообщества, которые утверждали, что Эйзенхауэр допускает отставание военной мощи США от военного потенциала Советского Союза[1].

Еще до спора по вопросу о «ракетном прорыве» само слово «прорыв» вошло в лексикон в середине 1950-х гг., в ходе политических споров в США, когда критики стратегии «Нового взгляда» утверждали, что администрация Эйзенхауэра допускает усиление «бомбового разрыва» между Соединенными Штатами и Советским Союзом. Хотя это опасение оказалось безосновательным, те же самые критики вскоре стали заявлять, что Соединенные Штаты уступают Советскому Союзу в ракетостроении[2].

Эти споры послужили побудительной причиной написания одного из наиболее ярких и информативных личных писем Эйзенхауэра по вопросам национальной безопасности. Речь идет о его состоящем из семи пунктов конфиденциальном письме к издателю Ричарду Лео Саймону. Саймон писал Эйзенхауэру в 1956 г. в связи с аргументами колумнистов Джозефа и Стюарта Алсоп о том, что Советский Союз добился больших успехов в ракетостроении, и Соединенные Штаты должны резко увеличить расходы на оборону[3].

Ответ Эйзенхауэра был настолько кратким и четким, что колумнист «Вашингтон пост» Дэвид Бродер полностью перепечатал его спустя почти три десятилетия. Это было сделано в годы прези-

---

[1] Для изучения сделанного Эйзенхауэром в 1953 г. обзора политики национальной безопасности см.: *Bowie R.R. and Immerman R.H.* Waging Peace. Chap. 8 passim, and *Bose M.* Shaping and Signaling, Chap. 2 passim.

[2] *Bottome E.M.* The Missile Gap: A Study of the Formulation of Military and Political Policy. Rutherford: N. Y., 1971. P. 34–38, 73–75. Последнее исследование спора о «ракетном прорыве», основанное на расшифрованных записях: *Roman P.J.* Eisenhower and the Missile Gap. N. Y., 1995.

[3] Для ознакомления с публикациями братьев Дж. и С. Алсоп см.: *Alsop J. and S.* The Reporter's Trade. N. Y., 1958. P. 273–285.

дентства Рейгана, когда шли дебаты о том, надо ли Соединенным Штатам заниматься активным оборонным строительством, в том числе, реализовывать нереальную и дорогостоящую стратегическую оборонную инициативу (СОИ)[1]. «Сейчас реальная проблема безопасности, – писал Эйзенхауэр, – означает не противостояние человека человеку или одного государства другому. Речь идет о противостоянии человека войне».

«Я посвятил свою жизнь изучению военной мощи как средства устрашения и тех видов вооружения, которые необходимы для победы в войне. Изучение первой проблемы все еще приносит свои плоды, но мы неуклонно приходим к выводу, что войну невозможно *выиграть*. Война предполагает состязание: когда приходишь к выводу, что соперничества больше нет и близка перспектива поражения врага и нашего собственного самоубийства, перспектива, когда нельзя игнорировать ни одну из сторон, тогда уже не так важны аргументы относительно точной оценки достижимой мощи по сравнению с силой противника.

Когда мы окажемся в ситуации, а когда-нибудь так и будет, в которой противоборствующие стороны осознают, что любое проявление враждебности приведет, как ни удивительно, к взаимному и полному разрушению, тогда у нас, возможно, хватит здравого смысла сесть за стол переговоров, осознав, что эпоха гонки вооружения закончилась, и человечество должно или подтвердить эту истину своими действиями, или умереть»[2].

«…Уже не столь важны аргументы, касающиеся точной оценки достижимой мощи по сравнению с силой противника». В этих словах – суть несогласия Эйзенхауэра с утверждениями о необходимости для Соединенных Штатов обогнать Советский Союз в военной мощи, включая ядерное оружие. Обратимся далее к реакции Эйзенхауэра и его администрации на обусловленные запуском спутника требования развернуть ракетостроение.

Менее эффективная риторика

Лидерский стиль «скрытой руки» во многих отношениях помогал Эйзенхауэру в достижении поставленных целей. На протя-

---

[1] Eisenhower to Richard L. Simon, Apr. 4, 1956, reprinted in: *Broder D.* Negotiate or Die – Eisenhower // Washington Post. 1983. Sept. 7 and in: *Eisenhower D.D.* The Middle Way. Vol. 16. PDDE. 2113–2115.

[2] Ibid.

жении всего срока президентства данный стиль обеспечивал Эйзенхауэру сильную общественную поддержку, обусловленную его популярностью в военное время. В свою очередь, это позволило ему за годы президентства снизить расходы на оборону и на другие статьи, а также разрешать кризисы на международной арене. Но было бы ошибкой утверждать, что в его нетрадиционном президентском стиле не было слабостей.

Решительные действия Эйзенхауэра в споре о «ракетном прорыве» выявили основную ограниченность его лидерского стиля, которая ослабляет роль президента как лица, публично заявляющего о проводимой политике. Шок, который вызвал у американцев запуск Советским Союзом в 1957 г. искусственного спутника Земли, можно сравнить только с трагедией Перл-Харбор*. Тревогу вызывало не столько то, что «отсталые» русские, по-видимому, выиграли «противостояние в космосе», сколько тот факт, что они создали ракеты, способные доставлять боеголовки по всей территории США.

Реакция Эйзенхауэра на запуск спутника не изменила его позицию. Хуже всего то, что с самого начала администрация отреагировала на данное событие с высокомерием и самодовольством, которые казались чрезмерными, учитывая охватившую нацию тревогу. Сообщение о запуске советского спутника поступило в Вашингтон вечером 4 октября 1957 г., когда Эйзенхауэр уже уехал в Геттисберг на уик-энд для игры в гольф. Сам он не сделал никакого заявления, предоставив выступить с комментариями пресс-секретарю Хэгерти и госсекретарю Даллесу.

Хэгерти и Даллес в своих публичных высказываниях охарактеризовали достижения СССР. Запуск советского спутника, заявили они, «не вызывает удивления», добавив при этом, что американская космическая программа планировалась не с целью «соревнования с Советами». Другие члены администрации Эйзенхауэра придали этому событию еще меньше значения. Министр обороны Чарльз Э. Уилсон назвал запуск спутника «небольшим научным трюком»; советник по торговым делам Кларенс Рэндалл – «глупой безделушкой», а глава аппарата Белого дома Шерман Адамс – «баскетболом в космосе»[1].

---

* *Перл-Харбор* – база США на Гавайских островах, по которой был нанесен удар японских вооруженных сил в декабре 1941 г. После этого США объявили войну Японии и Германии. – *(Прим. пер.)*

[1] Для оценки реакции администрации Эйзенхауэра на запуск спутника см.: *Divine R.A.* The Sputnik Challenge: Eisenhower's Response to the Soviet Satellite.

Первое публичное высказывание Эйзенхауэра о запуске спутника прозвучало на пресс-конференции 9 октября. Она была весьма невыразительной, а ответы президента на заданные вопросы – длинными и отвлекающими внимание. Попытка Эйзенхауэра выразить спокойствие воспринималась скорее как самоуспокоение. Он постарался приуменьшить советскую угрозу, назвав спутник «мячиком в воздухе». Но когда вопросы стали более настойчивыми, Эйзенхауэр подтвердил, что Советский Союз добился «значительного психологического преимущества во всем мире», сделав при этом следующую оговорку: «Я думаю, что это, действительно, возможно в политическом, но невозможно в научном плане»[1].

Чтобы успокоить нацию, Эйзенхауэр произнес также несколько весьма сдержанных речей. После запуска в ноябре второго, технически усовершенствованного искусственного советского спутника, на этот раз – с собакой на борту, Эйзенхауэр выступил по радио и по телевидению с обращением к нации, в котором настаивал на том, что американцы «опережают Советы в ядерной сфере, как количественно, так и качественно». Он заметил, что «хотя Советы, скорее всего, обогнали нас в ракетной технике и некоторых других сферах, а также явно опережают нас в запусках спутников, в настоящее время совокупная военная мощь свободного мира явно превышает мощь коммунистических стран»[2].

Далее, на протяжении всего срока пребывания на президентском посту, Эйзенхауэр неизменно отрицал преимущество Советского Союза, которое заключалось в количестве ракет. Он отвергал раздававшиеся требования неуклонно наращивать американские космические и ракетные программы, утверждая, что США уже достигли в этих сферах успехов, необходимых для обеспечения национальной безопасности. Отвечая в 1960 г. на пресс-конференции на вопрос, осознает ли он «какую-либо необходимость догнать рус-

---

N. Y., 1993. P. XIV–XVI. См. также: *Henry D.* Eisenhower and Sputnik: The Irony of Failed Leadership // Eisenhower's War of Words: Rhetoric and Leadership. East Lansing, 1994. P. 223–249.

[1] The President's News Conference of Oct. 9, 1957 // PPOP, 1957. Washington, 1958. P. 719–732. См. также: The Sputnik Challenge. P. 7–8.

[2] *Eisenhower D.D.* Radio and Television Address to the American People on Science in National Security. 1957. Nov. 7 // PPOP, 1957. P. 789–799. Через неделю Эйзенхауэр вернулся к этому разговору в обращении, переданном по телевидению и радио. См.: Radio and Television Address to the American People on «Our Future Security». 1957. Nov. 13 // Ibid. P. 807–817. Для более детального анализа этих обращений см.: *Divine R.A.* Sputnik Challenge. P. 45–47, 52–58.

ских», он сказал: «Я всегда удивлялся, слыша вопросы о гонке вооружений. Того вооружения, которым вы хотите обладать, уже достаточно. Средству устрашения не нужна дополнительная мощь, если оно уже в полной мере адекватно и вызывает уважение любого потенциального противника, заставляя его быть благоразумным»[1].

Позиция Эйзенхауэра в споре о «ракетном прорыве» отчасти была основана на достоверных фактах, которые не придавались огласке. Из сверхсекретных данных, полученных в результате полетов самолетов-шпионов над российской территорией, он знал, что советская ракетная программа намного уступала американской. Но у Эйзенхауэра была более весомая причина при определении расходов на оборону проводить свою линию, которая была обусловлена его четкой концепцией национальных стратегических потребностей. Этот взгляд прослеживается в его письме Саймону, в котором утверждалось, что Соединенным Штатам не нужно обгонять и даже не надо уравнивать свой ракетный потенциал с потенциалом Советского Союза. Достаточно такой мощи, которая позволяет *противостоять* советской атаке. Эта позиция очень *подходила* для публичной коммуникации и заслуживала более серьезной проработки, по сравнению с тем, что сделал Эйзенхауэр[2].

Одна из упущенных Эйзенхауэром возможностей упомянуть звучавшие в его адрес обвинения в допущенном «ракетном прорыве» – его прощальное обращение к нации 17 января 1961 г. В нем Эйзенхауэр охарактеризовал достижения своей администрации и те вызовы, с которыми Соединенный Штаты будут сталкиваться и в будущем. В частности, он проанализировал рост «военного истеблишмента», заметив, что ежегодные национальные военные расходы превосходят «чистый доход всех американских корпора-

[1] The President's News Conference of Feb. 3, 1960 // PPOP, 1960–1961. Washington, 1961. P. 144–154. Настойчивые возражения Эйзенхауэра против значительного увеличения расходов американского бюджета на космические нужды проанализированы в работе: *Callahan D. and Greenstein F. I.* The Reluctant Racer: Eisenhower and U.S. Space Policy // Spaceflight and the Myth of Presidential Leadership. Urbana, 1997. P. 15–50.

[2] Многие ученые анализировали миф о «ракетном разрыве». Прежде всего, см.: *Ball D.* Politics and Force Levels. P. 89–93; McGeorge Bundy. Danger and Survival: Choices about the Bomb in the First Fifty Years. N. Y., 1988. P. 334–357; *Roman P.J.* Eisenhower and the Missile Gap, passim. Для изучения решения администрации Эйзенхауэра использовать разведывательные полеты самолета У-2 над Советским Союзом см.: *Beschloss M.R.* Mayday: Eisenhower, Khrushchev, and the U-2 Affair. N. Y., 1986. См. также: *Beschloss M.R.* The Crisis Years: Kennedy and Khrushchev, 1960–1963. N. Y., 1991. P. 25–26.

ций». Далее Эйзенхауэр высказал ставшее известным предупреждение: «Мы должны бороться в органах управления с опасностью чрезмерного – прямого или непрямого – влияния военно-промышленного комплекса. Такого рода опасность существует, и она будет возрастать. Нельзя допустить, чтобы мощь этого союза угрожала нашим свободам или демократическим процессам»[1].

Ни в прощальном обращении, ни ранее Эйзенхауэр не формулировал доктрину ядерной достаточности с такой выразительностью и четкостью, как в 1955 г. в своем письме Саймону. Однако уже через три дня после прощального обращения Эйзенхауэра нация услышала риторику инаугурационного обращения, в котором говорилось о предлагаемом администрацией избранного президента Кеннеди значительном увеличении ядерных сил: «…Мы заплатим любую цену, вынесем любое бремя, вытерпим любые лишения, подержим любого друга и сможем противостоять любому противнику, чтобы защитить свободу»[2].

Заключение

Если рассматривать другие проблемы, а не спор о «ракетном прорыве», то требовался риторический дар, а не политика «скрытой руки». Этого дара Эйзенхауэру не хватило. Рациональный склад ума приводил к недооценке им роли эмоций при размышлении о других, в силу привычки использовать окольные пути он не был склонен к президентской назидательности и не испытывал потребности в историческом оправдании. Вот что он писал во время тайваньского кризиса 1955 г. в дневнике: «Часто находясь в тяжелых ситуациях, я уже привык к тому, что многие несчастья, которых мы опасаемся, в действительности не случаются»[3]. В результате такой самоуверенности Эйзенхауэра вступивший в 1961 г. в Белый дом Кеннеди дал торжественное обещание ликви-

[1] *Eisenhower D.D.* Farewell Radio and Television Address to the American People. 1961. Jan. 17 // PPOP, 1960–1961. P. 1035–1040. Для анализа генезиса высказывания о «военно-промышленном комплексе» – возможно, самого цитируемого из прощального обращения Эйзенхауэра, см.: *Griffin C.J.G.* New Light on Eisenhower's Farewell Address // *Medhurst. M. J.* Eisenhower's War of Words. P. 273–284.

[2] *Kennedy J.* Inaugural Address. 1961. Jan. 20 // PPOP, 1961. Washington, 1962. P. 1–3.

[3] *Eisenhower D.* Mar. 26, 1955 diary entry // The Eisenhower Diaries. N. Y., 1981. P. 294.

дировать несуществующий «ракетный прорыв». В силу этой и других причин Кеннеди инициировал опасную и дорогостоящую гонку вооружения в противостоянии с Советским Союзом.

Эйзенхауэр мог бы, удели он больше внимания своим публичным выступлениям, предотвратить это последствие. Трудно сказать, смог бы он лучше использовать президентскую риторику, но ретроспективно можно предположить две возможности. Одна из них – придание большей выразительности публичной коммуникации по сравнению со стилем официальных обращений и выступлений Эйзенхауэра на пресс-конференциях. Образцом могла бы служить продуктивность его личного общения (пример – письмо Эйзенхауэра Саймону). И все это для того, чтобы стимулировать более серьезные дебаты по стратегическим вопросам.

Вторая возможность заключалась в публичном выражении большей личной убежденности Эйзенхауэра, которая хорошо проявлялась в ходе обсуждений вопросов в его администрации. Возможный вариант того, как это могло быть реализовано, приходит на ум под впечатлением его свободного поведения через три с половиной года после того, как он покинул Белый дом. Накануне двадцатилетнего юбилея со Дня «Д»* Эйзенхауэр принял участие в 90-минутном телеинтервью с Уолтером Кронкайтом, которое было показано на канале «Columbia Broadcasting System». Интервью было снято на побережье Нормандии и производило сильное впечатление благодаря личностным качествам Эйзенхауэра и его дару командующего. Прежде всего, интервью ярко выявило твердость его взглядов по вопросам войны и мира.

Выразительность риторики, которую Эйзенхауэр проявлял при личном общении, нашла отражение в уважительном тоне передовицы, опубликованной в газете «New York Times» на следующий день после показа фильма: «Накануне вечером генерал Д. Эйзенхауэр просто и вместе с тем выразительно напомнил о тревожных часах Дня «Д»… Генерал Эйзенхауэр спокойно напомнил, что, несмотря на прогноз плохой погоды, он принял смелое решение начать высадку десанта 6 июня 1944 г.»[1]

---

* *День «Д»* – день начала операции «Оверлорд» – высадка войск союзников на побережье Нормандии, открытие «второго фронта». Операция началась 6 июня 1944 г. В 1964 г. Уолтером Кронкайтом был снят телевизионный фильм «День «Д» плюс 20». – *(Прим. пер.)*

[1] Eisenhower Recalls the Ordeal of D-Day Assault 20 Years Ago // New York Times. 1964. June 6.

Весь тон статьи передавал силу и уверенность действий Эйзенхауэра. Весьма вероятно, что столь впечатляющая твердая позиция Эйзенхауэра в вопросе национальной безопасности могла бы нейтрализовать звучавшие в те годы заявления, что национальная безопасность США зависела от победы в гонке вооружения с Советским Союзом[1].

Если бы восторжествовала точка зрения Эйзенхауэра, то при президенте Кеннеди не было бы гонки вооружения, и по окончании холодной войны мир не получил огромный и опасный арсенал ядерного оружия. Короче говоря, недостаточная убедительность Эйзенхауэра в вопросе о ядерном прорыве имела огромные политические последствия. Трудно представить более подходящий пример значимости политической риторики.

[1] В новой биографии Эйзенхауэра отмечается, что хотя Эйзенхауэр никогда не чувствовал себя уверенно, участвуя в телевизионных передачах, он воспринимался лучше, когда естественно и непосредственно общался с людьми, а не тогда, когда просто зачитывал текст. См.: *Perret G.* Eisenhower. N. Y., 2000. P. 489–493.